

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао Ц. Историческая метаморфоза идеологического фрейма «угрозы» и «ресурса» в освещении иммиграции китайскими медиа (XIX–XXI вв.) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77192 EDN: NWRSSI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77192

Историческая метаморфоза идеологического фрейма «угрозы» и «ресурса» в освещении иммиграции китайскими медиа (XIX–XXI вв.)

Чжао Цинсун

аспирант; факультет журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Нахимова, 3к2, кв. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77192

EDN:

NWRSSI

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2025

Дата публикации:

10-12-2025

Аннотация: В данной статье впервые проводится системный историко-дискурсивный анализ эволюции идеологических фреймов «угрозы» и «ресурса» в дискурсе китайских государственных медиа об иммиграции на протяжении четырех ключевых исторических периодов (XIX–XXI вв.). Предметом исследования выступает эволюция идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа (прессы) об иммиграции на протяжении четырех исторических периодов: поздней имперской эпохи (династия Цин), республиканского (Китайская Республика, 1912–1949 гг.), раннего социалистического периода (КНР с 1949–1980 гг.) и современной эпохи реформ и глобализации (конец XX – начало XXI вв.). Анализу подвергаются не только явные нарративы, но и глубинные лингвистические структуры, риторические стратегии и контекстуальные обусловленности,

формирующие образ иммигранта и миграционного процесса. историко-дискурсивный анализ динамики двух фундаментальных и зачастую противопоставляемых фреймов, используемых китайскими медиа при освещении иммиграции: фрейма «угрозы» (акцентирующего риски для безопасности, культурной гомогенности и социальной стабильности) и фрейма «ресурса» (подчеркивающего экономическую, демографическую или инновационную пользу). Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, впервые в рамках одного исследования проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции на столь протяженном историческом отрезке (XIX-XXI вв.), что позволяет выявить не только разрывы, но и преемственность в идеологических паттернах. Во-вторых, работа вносит вклад в теорию фреймов, применяя ее к долгосрочному идеологическому процессу в незападном медийном контексте, демонстрируя, как фреймы адаптируются к смене политических режимов. В-третьих, новизна заключается не в простой констатации смены одного фрейма другим, а в раскрытии их сложного сосуществования, взаимного дополнения и контекстуального переключения в зависимости от целевой аудитории и текущих государственных приоритетов. Таким образом, статья предлагает целостную модель анализа того, как сквозь призму медиадискурса конструировался и изменялся образ «другого»-иммигранта в китайском общественном сознании, отражая глубинную логику взаимоотношений между государством, нацией и глобальным миром на разных этапах китайской истории

Ключевые слова:

медиадискурс, фрейм угрозы, фрейм ресурса, китайские медиа, иммиграция, теория фреймирования, историко-дискурсивный анализ, идеологический максимализм, управляемая иммиграция, лингвистические маркеры

Введение

Освещение миграционных процессов в медиапространстве Китая представляет собой сложное явление, тесно связанное с политическими, экономическими и социальными трансформациями различных исторических эпох. Иммиграция на протяжении XIX-XXI вв. воспринималась китайским обществом не как статичное явление, а как динамический феномен, требующий постоянного идеологического осмысления и интерпретации в соответствии с актуальными государственными задачами и вызовами национальной безопасности. Одним из ключевых инструментов такого осмысления выступают медиадискурсивные фреймы — устойчивые когнитивно-языковые структуры, которые организуют восприятие реальности, задают способы интерпретации событий, социальных групп и процессов, тем самым легитимируя определенные политические курсы и модели общественного сознания.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях глобализации и роста трансграничных перемещений проблема медийной репрезентации миграции приобретает ключевое значение для формирования общественного мнения и политики идентичности. Во-вторых, современный Китай, балансируя между глобальной открытостью и защитой национального суверенитета, демонстрирует сложную, амбивалентную модель освещения миграции, истоки которой можно проследить лишь в исторической перспективе. В-третьих, изучение китайского медиадискурса как инструмента идеологии позволяет глубже понять механизмы конструирования социальной реальности в условиях монополии на публичную

сферу, где медиа выполняют не только информационную, но и мобилизационно-воспитательную функцию.

Предметом исследования выступает эволюция идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа (прессы) об иммиграции на протяжении четырех исторических периодов: поздней имперской эпохи (династия Цин), республиканского (Китайская Республика, 1912-1949 гг.), раннего социалистического периода (КНР с 1949-1980 гг.) и современной эпохи реформ и глобализации (конец XX – начало XXI вв.). Анализу подвергаются не только явные нарративы, но и глубинные лингвистические структуры, риторические стратегии и контекстуальные обусловленности, формирующие образ иммигранта и миграционного процесса.

Методология исследования следующая. В данной статье проводится историко-дискурсивный анализ динамики двух фундаментальных и зачастую противопоставляемых фреймов, используемых китайскими медиа при освещении иммиграции: фрейма «угрозы» (акцентирующего риски для безопасности, культурной гомогенности и социальной стабильности) и фрейма «ресурса» (подчеркивающего экономическую, демографическую или инновационную пользу). Исследование опирается на методологический синтез критического дискурс-анализа (в традициях Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка), теории фреймирования (анализ фреймов) и инструментарий медиалингвистики, что позволяет связать языковые практики с идеологическими и властными отношениями.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом и под влиянием каких историко-политических, социально-экономических и идеологических факторов происходила метаморфоза и диалектическое взаимодействие фреймов «угрозы» и «ресурса» в китайском медиадискурсе об иммиграции, и какие конкретные лингвистические маркеры, нарративные шаблоны и риторические фигуры сопровождали эту трансформацию?

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, впервые в рамках одного исследования проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции на столь протяженном историческом отрезке (XIX-XXI вв.), что позволяет выявить не только разрывы, но и преемственность в идеологических паттернах. Во-вторых, работа вносит вклад в теорию фреймов, применяя ее к долгосрочному идеологическому процессу в незападном медийном контексте, демонстрируя, как фреймы адаптируются к смене политических режимов. В-третьих, новизна заключается не в простой констатации смены одного фрейма другим, а в раскрытии их сложного сосуществования, взаимного дополнения и контекстуального переключения в зависимости от целевой аудитории и текущих государственных приоритетов.

Таким образом, статья предлагает целостную модель анализа того, как сквозь призму медиадискурса конструировался и изменялся образ «другого»-иммигранта в китайском общественном сознании, отражая глубинную логику взаимоотношений между государством, нацией и глобальным миром на разных этапах китайской истории.

Теоретические основания исследования

Фрейм определяется как когнитивная структура, позволяющая упорядочить информацию и объяснить события согласно определённой модели мира [\[1\]](#). В медиадискурсе фреймы выполняют интерпретационную функцию: они не просто описывают реальность, но и структурируют её, задавая границы допустимого понимания. [\[2\]](#)

Идеологические фреймы обладают нормативной силой: они закрепляют политически

выгодные интерпретации и маргинализируют нежелательные способы осмысления явления. [3, 4] В случае освещения миграции фреймы «угрозы» и «ресурса» задают два диаметрально противоположных подхода: негативно-защитный и позитивно-прагматический.

Фрейм «угрозы» включает семантические компоненты: опасность, вторжение, нестабильность, хаос. Он опирается на метафоры стихийных бедствий, эпидемий, социального распада. Фрейм «ресурса» подразумевает пользу, вклад, развитие, экономические возможности. Его типичные метафоры — «движущая сила», «потенциал», «энергия», «интеллектуальный капитал».

Китайская медиасистема исторически характеризуется высокой степенью институциональной зависимости от государства. Даже в позднесредневековых хрониках прослеживается тенденция к политически обусловленному освещению миграции, что усилилось в период Цин и в дальнейшем стало частью нормативной медиапрактики КНР. [5]

Современные исследования китайских СМИ подчеркивают их двойную функцию: руководство общественным мнением и общественный контроль. Концепция СМИ как «рупора» (кит. 喉舌) государственной власти остаётся центральным элементом медиаполитики, определяя идеологическую направленность интерпретации миграционных процессов. [6]

Ретроспектива освещения иностранной миграции в Китае в XX в.

В начале своего существования, при императоре Канси, **династия Цин**, будучи последней феодальной династией Китая, демонстрировала двойственное отношение к иммиграции: несмотря на период процветания, частые контакты с Российской империей, Великобританией и Индией, и привлекательность китайского рынка, миграционная политика оставалась строгой, и масштаб иммиграции был незначительным. Официальные цинские медиа в этот период необъективно акцентировали внимание на толерантности и богатстве Китая, что способствовало самодовольству элиты. [7]

Ситуация резко изменилась с ослаблением Цинского государства. Число иностранцев, прибывающих на постоянное жительство, значительно возросло, формируя компактные районы колонизации, сначала в прибрежных торговых портах, а затем в Шанхае, Тяньцзине и Пекине. Слабость правительства привела к серьёзным проблемам в управлении переселенцами, что стало фактором роста социальной нестабильности. Критическое обострение наступило после Первой опиумной войны, когда цинские власти возложили ответственность за внутренние проблемы на иммиграцию. Медиаресурсы заняли резко антимиграционную позицию, что ускорило политику «закрытия страны» (кит. 闭关锁国).

Движение «Тайпин тяньго» (кит. 太平天国) ещё больше усугубило проблему, спровоцировав иностранные державы (США, Великобританию, Францию) к созданию концессий для «защиты своих граждан». СМИ этих держав, напротив, изображали своих соотечественников как «слабые и уязвимые группы», в то время как тайпинов — как «жестоких агрессоров», что укрепляло уверенность иммигрантов в своём присутствии. Это привело к взрывному росту населения в концессиях: с чуть более 20 тысяч человек в британских и американских концессиях в 1855 г. до 90 тысяч к концу 1865 г., а к 1893 г. население международного сэттльмента и французской концессии превысило 300 тысяч человек.

В контексте утраты суверенитета, связанной с подписанием ряда неравноправных договоров, иммиграция воспринималась в позднецинской прессе как элемент внешнего давления и угроза территориальной целостности. Официальные публикации подчёркивали рост социальной нестабильности и экономическое доминирование иностранцев, а иностранные кварталы описывались как зоны опасности.^[8] Риторика формировала образ «чужака» как источника беспорядков, подрывающего традиционный уклад.

Следовательно, в конце существования империи Цин иммиграция конструировалась в медиа как фактор, угрожающий социальному и политическому порядку Китая, и, хотя на этапе упадка династии Цин миграция иностранцев в Китай практически прекратилась, вызванные ею социальные проблемы оказали влияние на последующий исторический период.

Период Китайской Республики характеризовался глубокой политической нестабильностью (войны милитаристов, японская агрессия, гражданская война), что обусловило снижение общего уровня иммиграции, но привело к формированию амбивалентного медиадискурса. Этот дискурс балансировал между фреймами гуманитарного долга, экономического ресурса и политической угрозы.

Прибытие крупных групп русских беженцев после Октябрьской революции стало проблемой, которая не получила широкого общественного внимания из-за внутренних трудностей и внешнего давления, которое испытывал Китай.^[9] Официальные СМИ в приграничных регионах стремились маркировать эту миграцию как «нейтральный элемент» и «вынужденное» присутствие. В то время как местные власти проводили либеральную политику, медиа активно освещали вклад русских в экономическое развитие и культурный обмен. Эта стратегия двойного кодирования намеренно избегала обсуждения социальной напряженности, позволяя использовать их присутствие как ресурс, способствующий этническому многообразию.

Особый случай — массовая иммиграция еврейских беженцев в Шанхай во время Второй мировой войны. Китай, несмотря на собственное тяжелое положение под японской агрессией, принял более 25 000 человек, руководствуясь гуманизмом. Этот процесс широко освещался как официальными (Гоминьдан), так и коммунистическими изданиями. Пресса конструировала фрейм «гуманитарного ресурса», используя его в пропагандистских целях: демонстрация поддержки беженцев служила средством подчеркивания последствий возможного уничтожения самого государства.^[10] Это способствовало росту национального самосознания и активизации сопротивления японским захватчикам.

В целом, в период Республики освещение миграции оставалось недостаточно объективным, что в итоге привело к значительному снижению доверия населения к официальным источникам информации.

После образования КНР, в условиях тяжелого экономического положения, государство приняло новую идеологическую парадигму, в которой иностранные специалисты воспринимались как жизненно необходимый источник знаний и проявление международной поддержки. Государственные СМИ активно продвигали нарратив о том, что иностранные профессионалы помогают строить новый Китай, формируя медийный архетип «иностранец-друг» (примеры: Ма Хайдэ, Исраэль Эпштейн).^[11] Медиалингвистический анализ выявляет активное использование стратегий убеждения:

позитивная оценочная лексика («огромный вклад», «неоценимая помощь»), персонализация (конкретные имена и биографии вместо обобщённого образа «чужака») и метафоры развития («строители нового Китая»). Целью медиа было стратегическое рефреймирование иммигранта из исторической «угрозы» в «ресурс», нивелируя социальные страхи, сформированные в колониальный период.

Период 1961-1978 гг. характеризовался экономическим застоём и ухудшением отношений с СССР, что привело к отзыву иностранных специалистов. Освещение иммиграции стало ярко политизированным и идеологическим. Государственные СМИ, выступая «рупором» политики, сменили тональность с позитивной на антагонистическую риторику, направленную сначала против СССР, а затем против всех капиталистических стран. Доминирующим стал идеологический фрейм конфликта, где иммиграционные вопросы подавались через призму идеологического неприятия. Акцент на борьбе и идеологической чистоте привел к высокому уровню напряжения в общественном дискурсе, а отсутствие положительных нарративов и профессионального сотрудничества способствовало застою в международных контактах и экономическому ущербу из-за оттока экспертов.

С началом политики реформ и открытости в 1979 г. китайские СМИ кардинально изменили подход, переключившись на разумное и законное регулирование миграционных процессов. Новый доминирующий медиафрейм акцентировал «экономический ресурс» и «законность». Медиа стали более объективными, активно освещая законодательную базу и позитивную роль иммиграции в экономике. На этом этапе СМИ сыграли ключевую роль в формировании положительного образа вернувшихся зарубежных китайцев (хуацяо), чьи инвестиции способствовали развитию базовой экономики.^[12] Через принцип этнической аффинности СМИ смягчали травматические последствия предыдущего периода. Постепенно, фокус сместился с соотечественников на иностранных граждан, и СМИ стали активно создавать благоприятную иммиграционную среду, необходимую для устойчивого экономического роста страны.

Современный этап: институционализация фрейма ресурса

С конца 1970-х гг., ознаменовавших начало **политики реформ и открытости**, Китай приступил к целенаправленной интеграции в мировую экономику и переходу к инновационной модели развития. В этом контексте иммиграция, особенно высококвалифицированных кадров, стала рассматриваться как стратегический фактор модернизации, что привело к закреплению в медиадискурсе доминирующего фрейма «иностранные таланты — двигатель модернизации».^[13] Этот нарратив сместил акцент с идеологического «иностранца-друга» на прагматическую ценность иммигранта для технологического и экономического прорыва. Основные государственные и экономические издания, такие как People's Daily, Global Times и Economic Observer, активно подчеркивают необходимость привлечения международных кадров, стратегическое значение мобильности и глобальное сотрудничество. Иммиграция подается как ценный ресурс, который должен быть «упорядоченным», «рациональным» и «контролируемым».

Медиалингвистически эта двойственность (ресурс vs. контроль) реализуется через дифференцированное использование языковых средств. Фрейм ресурса базируется на активном использовании метафор развития (рост, инновации, строительство), персонализации и нейтрально-позитивной лексике, заменяющей эмоционально-негативную категоричность предыдущих эпох. Периферийный фрейм угрозы (контроля),

затрагивающий темы нелегальной миграции и преступности, представлен мягко и нормативно. Лингвистически это достигается за счет безличных конструкций, модальности долженствования (глаголы «должны», «необходимо обеспечить»), что переводит проблему в плоскость законности, и номинализации, которая абстрагирует потенциальную угрозу (например, «усиление нестабильности»), снимая прямую ответственность с государства.

Эмпирический анализ медиастратегий за последнее десятилетие показывает, как идеологические и прагматические задачи отражаются в дискурсе ведущих изданий.

«Жэньминь Жибао» (People's Daily) демонстрирует идеологический максимализм, где информация об иммиграции подвергается жесткой фильтрации, а позитивная тональность достигает 89,5%. Дискурс полностью лишен проблематизации и сконструирован для продвижения Китая как гармоничного и привлекательного общества. Лингвистически это подтверждается активным использованием средств художественной выразительности, эмоционально-оценочной лексикой (89,5% от всех единиц текста) и общей романтизацией, выражающейся в таких примерах, как «глубокая культурная привлекательность» (кит. 深厚文化魅力) и «влюбиться в китайскую культуру» (кит. 爱上中国文化). Активно используются сравнения типа «как дом» (кит. 像家一样) и «как друзья» (кит. 像朋友一样) для конструирования образа гостеприимства, что является частью фрейма ресурса. Эти приемы особенно преобладают в текстах социальной и культурной тематических категориях, где иностранец представлен как добровольный и благодарный участник китайского общества. Акцент делается на институционализации — «оптимизировать процессы», «совершенствовать механизм» — что служит для легитимации контроля. Через политическую/правовую тематическую категорию (38,28% текстов) медиа демонстрирует эффективность государственного аппарата, который, в отличие от Запада, способен безупречно управлять сложными процессами миграции и обеспечивать безопасность. Таким образом укрепляется образ Китая как упорядоченного и стабильного центра. Кроме того, газета полностью избегает фрейма угрозы: освещение тем категории криминальная/угрожающая сведено к 0%, что гарантирует отсутствие негативных ассоциаций и подтверждает идеологический максимализм в представлении Китая как идеального и безопасного пространства.

Global Times в дискурсивном конструировании образа иностранного мигранта также доминирует фрейм ресурса, который стратегически формируется через системное освещение. Позитивная тональность охватывает 62,6% всех единиц текста, что подтверждает целенаправленную стратегию создания привлекательного образа Китая (около 33% относится к нейтральной тональности, что указывает на то, что в Global Times информация подается более спокойно, объективно и без эмоционально-окрашенной лексики, в отличие от Жэньминь Жибао). При помощи средств художественной выразительности, таких как метафора (10% примеров) и гипербола (20%) формируется образ иностранца как культурного и социального союзника, подтверждающего гостеприимство и успех китайской модели. Фрейм угрозы в медиа минимизирован: «криминальная» тематическая категория занимает всего 1,62% текстов, где используется криминализация и демонизация для изоляции нежелательных элементов. При этом всячески поддерживается контролирующая роль китайского государства. Более сложный механизм применяется в тематической категории «экономическая» (12,15%), где негативная/критическая тональность (16,25% единиц текста) парадоксально используется для нейтрализации угрозы. Освещение проблем (виктимизация) служит фоном, на котором демонстрируется эффективность и забота китайского государства, что переводит потенциальную угрозу (например, экономический

кризис) в подтверждение силы и гуманности власти. Таким образом, медиа-дискурс активно конструирует и поддерживает образ иностранного мигранта как ценного ресурса и свидетеля успеха китайского государства.

«The Economic Observer», фокусируясь на деловой тематике, поддерживает преимущественно нейтральную тональность (71% текстов), отражая рациональное управление. В издании преобладает государственно-идеологическая легитимация, где иммиграционные вопросы подаются через институциональный язык. Для усиления фрейма ресурса активно используется риторика (42,86% текстов) и экспрессивные средства (42,86%), чтобы придать официальным процедурам позитивную эмоциональную окраску, несмотря на общую нейтральность изложения. Процессы упрощения для высококвалифицированных кадров метафорически обозначаются как «открыть окно» (кит. 开窗) или «канал» (кит. 渠道), что подчеркивает прагматичность и эффективность государства. Основной акцент делается на экономической тематической категории, где иностранец представлен как необходимый элемент модернизации. В то же время, здесь наиболее выражен периферийный фрейм угрозы, проявляющийся в криминализации/проблематизации (28,6% единиц текста): используются лексемы «полулегальный статус» (кит. 半黑半明) и «нелегальные мигранты» (кит. 偷渡者), а также фразы о «нелегальных иммигрантах, увеличивающих ксенофобию». Этот фрейм угрозы, представленный через репортаж (28% текстов), используется для поддержания фрейма контроля и необходимости правового регулирования, четко разграничивая желательный, квалифицированный ресурс от нежелательных элементов, представляющих угрозу стабильности. Таким образом, «The Economic Observer» сочетает рациональную нейтральность для привлечения делового сообщества с жесткой риторикой контроля, чтобы легитимировать государственное управление миграционными потоками. Более объективная позиция «The Economic Observer», включающая сбалансированное использование фреймов ресурса и угрозы, связана с тем, что это издание, в том числе в силу своей экономической направленности, является более независимым от государственного влияния.

Сопоставление трёх медиаплощадок показывает, что различия в освещении иммиграции определяются не тематикой самих публикаций, а идеологической функцией, которую выполняет каждое издание в структуре китайского медиапространства. People's Daily представляет наиболее «закрытый» и идеологически выровненный дискурс: он исключает проблематизацию иммиграции как явления и использует исключительно позитивные интерпретации. В этом смысле издание выполняет функцию нормативного центра, задающего рамку единственно допустимого публичного понимания миграционной политики. Global Times занимает промежуточную позицию, где позитивная оценка иммиграции сохраняется, но достигается не через идеологическую статичность, а через динамическое эмоциональное усиление — героизацию, риторические вопросы, нарратив выбора и преодоления. Здесь позитивность не предписана, а аргументирована, что позволяет газете создавать эффект более «живого» и менее официального медиа при сохранении нужного направления интерпретации. The Economic Observer демонстрирует наиболее структурный, институциональный подход, где иммиграция трактуется как элемент социально-экономического управления. Нейтральность доминирует, поскольку ключевой задачей становится рационализация процессов, а не формирование эмоционально окрашенного образа. При этом именно в этом издании фиксируется наибольшая доля «фрейма угрозы», но не как идеологический вызов, а как индикатор управленческих рисков.

Обобщая, можно отметить, что три издания выстраивают единый макро-дискурс

управляемой иммиграции, однако реализуют его различными средствами. People's Daily поддерживает идеологическую неизменность; Global Times — эмоционально-персонализированную позитивность; The Economic Observer — аналитическую прагматику. Вместе они формируют многослойную систему, в которой иммиграция одновременно романтизируется, героизируется и администрируется, что позволяет государству охватывать разные сферы общественного восприятия — ценностную, эмоциональную и рационально-управленческую.

Можно заключить, что смена медиафреймов в истории Китая четко коррелировала с политическими циклами: от угрозы в кризисный Цинский период до ресурса/угрозы в период социалистического строительства и, наконец, ресурса, сопряженного с контролем, в эпоху глобализации. Этот мета-сдвиг сопровождался переходом от абстракций и эмоционально-негативной лексики к персонализированным историям и нормативной модальности, что отражает институционализацию и рационализацию иммиграционной политики в современном китайском медиапространстве.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что метаморфоза идеологических фреймов «угрозы» и «ресурса» в китайском медиадискурсе об иммиграции представляет собой не линейный процесс замещения одной интерпретационной матрицы другой, а сложную систему контекстуальных переключений, обусловленных трансформацией политических режимов, изменением внешнеполитических вызовов и постепенной институционализацией медийного поля. На протяжении XIX-XXI веков медиареальность, создаваемая государственными и государственно-ориентированными СМИ, отражала не столько конкретную демографическую ситуацию, сколько идеологический заказ эпохи, который определял допустимые способы интерпретации иммиграции и конструирования образа иностранца.

В позднецинский период доминирование фрейма угрозы стало прямым следствием ослабления государства, роста внешнего давления и утраты контроля над ключевыми территориями. Именно тогда в прессе закрепился устойчивый образ иммигранта как символа хаоса и социального распада. Риторика вторжения, акцент на упадке и использовании номинализаций для создания ощущения безличной опасности демонстрировали глубинную связь медиадискурса с политическими тревогами эпохи. Однако уже в республиканский период прежний негативистский фрейм подвергся расслоению: иностранцы превращаются в объект двойственной интерпретации — одновременно риск и ресурс, источник напряженности и гуманитарного долга. Такое расщепление свидетельствует о попытках медиа справиться с многообразием миграционных процессов и отсутствием единой государственной линии. В этот период появляется новая языковая стратегия — амбивалентность, позволяющая медиа адаптировать фреймы к стремительно меняющимся политическим условиям.

С образованием КНР фрейм угрозы был не только ослаблен, но и идеологически переопределён, что привело к формированию нового устойчивого типа медийного образа иностранца — профессионального и «идеологически корректного» ресурса для строительства государства. Эта трансформация сопровождалась радикальным изменением языковых средств: от эмоционально-негативной лексики к персонализации, позитивным метафорам развития и эмоционально нейтральному, нормативному описанию процессов. Однако появление идеологического антагонизма в 1960-1970-е годы вновь актуализировало элементы фрейма угрозы, но теперь уже не по отношению к иммигрантам как группе, а в рамках глобального политического конфликта. Это

свидетельствует, что в китайских медиа категория угрозы не исчезает, а лишь меняет объект направленности в зависимости от политической логики момента.

Современный этап характеризуется окончательной институционализацией фрейма ресурса, но одновременно и его усложнением: в условиях глобализации иммиграция трактуется как необходимый, но подлежащий строгому надзору элемент экономического и технологического развития. Именно сочетание ресурсности и контроля стало ключевой особенностью современного медийного нарратива. Эмпирический анализ трёх ведущих изданий — People's Daily, Global Times и The Economic Observer — показывает, что это сочетание реализуется по-разному, образуя стратифицированную медиасистему, в которой каждый канал обслуживает свою идеологическую нишу. People's Daily закрепляет нормативный идеологический центр, воспроизводя гармонизированный и романтизированный образ иностранца и полностью исключая проблематизацию. Global Times создаёт эмоционально заряженный гибридный дискурс, где позитивность достигается через драматизацию, героизацию и нарратив выбора. The Economic Observer, напротив, рационализирует миграционную тематику, переводя её в язык управляемости и законодательных механизмов. Совместно три типа медиа формируют многоуровневый макрофрейм управляемой иммиграции, где эмоциональные, идеологические и аналитические компоненты функционируют параллельно.

Таким образом, историческая логика развития китайского медиадискурса демонстрирует, что фреймы «угрозы» и «ресурса» не противопоставляются как взаимоисключающие, но находятся в отношениях функциональной взаимодополняемости. На разных этапах они выступают ведущими или периферийными, но никогда полностью не исчезают. Угроза трансформируется из внешней политической в управленческую, а ресурс — из идеологически символического в экономически прагматичный. Современные медиа показывают наиболее зрелую форму этой диалектики: иммиграция трактуется как потенциально полезное явление, при условии её институционального контроля, прозрачности и нормативной управляемости. Данное сочетание подчеркивает внутреннюю логику медиаполитики Китая, ориентированной на поддержание социальной стабильности при максимальном использовании глобальных возможностей. Историко-дискурсивный анализ тем самым позволяет не только увидеть традицию управления образом «чужого» в китайской прессе, но и объяснить, каким образом современная медийная система поддерживает баланс между открытостью и защитой, между глобальностью и национальной идентичностью.

Библиография

1. Fillmore Ch. Scenes-and-Frames Semantics // Current issues in linguistic theory. Bloomington / London: Indiana University Press, 1977. Pp. 76-138.
2. Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
3. Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
4. Токарева С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 36-48. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5

EDN: OLXUGN.

5. Сергеев Г. И. От дибао до "Жэньминь жибао". Путь в 1200 лет (История средств массовых коммуникаций Китая). М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1989. 167 с.
6. King G., Pan J., Roberts M. E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107, no. 2. P. 326-343. DOI: 10.1017/S0003055413000014 EDN: RIZFNL.
7. 戈公振 (Гэ Гунчжэнь). 《中国报学史》 (История китайской журналистики). 上海 (Шанхай): 商务印书馆 (Коммерческое издательство), 1927.
8. Hutters T. Bringing the World Home: Appropriating the West in Late Qing and Early Republican China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. 370 p.
9. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Китае // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 217-231.
10. Kranzler D. Japanese, Nazis and Jews: The Jewish Refugee Community of Shanghai, 1938–1945. Brooklyn: Yeshiva University Press, 1976. 620 p.
11. Zhang Jing. Foreign experts in the People's Republic of China: an historical review from the perspectives of modernization and globalization (1949–1966) // Modern Chinese History. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 195-213.
12. Lovell J. The Uses of Foreigners in Mao-Era China: 'Techniques of Hospitality' and International Image-Building in the People's Republic, 1949–1976 // Transactions of the Royal Historical Society. 2015. Sixth Series, Vol. 25. P. 135-158.
13. Speelman T. Establishing the National Immigration Administration: Change and Continuity in China's Immigration Reforms // China Perspectives. 2020. № 4. P. 7-16. DOI: 10.4000/chinaperspectives.11103 EDN: VFXLDC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию трансформации идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа. Внимание автора сфокусировано на двух фреймах: «угрозы» и «ресурса», репрезентация которых рассматривается на примере четырех исторических периодов (поздний имперский, республиканский, ранний социализм, современный этап реформ и глобализации).

В качестве методов исследования используется историко-дискурсивный анализ, позволяющий проследить динамику изменения репрезентации проблемы миграции на примере двух фундаментальных и противопоставленных друг другу фреймов. С одной стороны, в ранний исследуемый период в медиа делается акцент на том, что миграция может угрожать безопасности Китая, негативно влиять на его культурную идентичность и социальную стабильность. С другой – в более поздний из рассматриваемых периодов риторика меняется, СМИ подчеркивают открытость Китая для высококвалифицированных кадров, которые могут принести экономическую, научно-техническую и инновационную пользу государству. Помимо этого, применяются качественный и количественный контент-анализ, критический дискурс-анализ (с опорой на работы Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка), фрейм-анализ и методики современной медиалингвистики, позволяющий выявить риторические, лингвистические и прагматические способы репрезентации названных выше фреймов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного и критического

осмысления процессов формирования общественного мнения и национальной идентичности в условиях глобализации; важностью понимания, как в контексте трансграничности в медиаполе защищаются национальный суверенитет и независимость государства; а также необходимостью выявления механизмов конструирования социальной реальности с учетом того, что китайские медиа сосредоточены на выполнении не только информационной, но и мобилизационно-воспитательной функций. Научная новизна работы заключается в том, что, во-первых, проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции за достаточно долгий период (XIX-XXI вв.); во-вторых, вкладом в развитие теории фреймов; в-третьих, в выявлении механизмов, как изменяются фреймы в зависимости от политических режимов, национальных приоритетов и международной политической повестки.

Стиль рецензируемой работы соответствует научному. Логика повествования последовательно отражает наблюдения и умозаключения автора. В статье выделены разделы, в которых сформулированы предмет, актуальность, методология и научная новизна исследования; представлена теоретическая база; охарактеризованы исторические периоды и продемонстрировано, как в зависимости от политических установок государства меняется фреймовая структура медиа и способы ее манифестации.

Библиографический список вполне репрезентативен (13 источников). Автор опирается как на фундаментальные научные труды отечественных и зарубежных ученых, так и на современные исследования.

Выводы, сделанные в работе, релевантны заявленной во «Введении» исследовательской проблеме. Автор изучает три СМИ: *People's Daily*, *Global Times*, *The Economic Observer*, в которых по-разному объективированы анализируемые фреймы. Так, «три издания выстраивают единый макро-дискурс управляемой иммиграции, однако реализуют его различными средствами. *People's Daily* поддерживает идеологическую неизменность; *Global Times* – эмоционально-персонализированную позитивность; *The Economic Observer* – аналитическую прагматику. Вместе они формируют многослойную систему, в которой иммиграция одновременно романтизируется, героизируется и администрируется, что позволяет государству охватывать разные сферы общественного восприятия – ценностную, эмоциональную и рационально-управленческую».

Автор делает вывод, что трансформация фреймов «угрозы» и «ресурса» в медиа Китая обусловлена сменой политических циклов, изменением внешнеполитических вызовов, постепенной институционализацией медийного поля и идеологическими приоритетами страны.

Рецензируемая научная работа будет интересна исследователям медиа, международных отношений, политологам, социологам и историкам. Данная статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».